

МИШЕЛЬ ТЕРЕЩЕНКО

О пользе пытки: могут ли демократические общества оставаться пристойными?¹

Пристойное общество — это общество,
которое не унижает людей.

Авишай Маргали

Тот, кто хотя бы раз попал в железные
руки неизбежности, навсегда теряет вкус
к утешительной лжи идеализма.

Лев Шестов. «Начала и концы»

Абу-Грейб, Гуантанамо, Баграм в Афганистане, секретные тюрьмы ЦРУ в Марокко, Египте, Сирии, Узбекистане и других странах — множество тюрем разбросано по разным континентам, и в них Соединенные Штаты, сами или уполномочив других, применяют пытки и аналогичные им действия в рамках «глобальной войны против терроризма», начало которой было положено 11-м сентября 2001 года. Сегодня это хорошо известно, и у нас есть достаточно доказательств для аргументированного обвинения, хотя то, что нам известно, без сомнения, лишь вершина айсберга. Такие организации, как Amnesty International, Human Rights Watch или Международный комитет Красного Креста, регулярно поставляют новые документы, свидетельствующие о принудительных методах допроса, применяемых американской армией и спецслужбами и идущих вразрез с предписаниями международных конвенций об обращении с военнопленными, конвенций, рассматриваемых сегодня на предмет утверждения конгрессом США². Работа этих

¹ Опубликовано в: *Revue du MAUSS*, 2006/2, № 28.

² См. статью Филиппа Гранжеро в газете *Libération* от 16 сентября 2006 г. под заголовком «Президент Буш заботится о том, чтобы пытки осуществлялись совершенно законно»; в ней сообщается о принятии в среду 13 сентября Комитетом обороны палаты представителей законопроекта, «который в итоге позволит агентам ЦРУ продолжать использовать жестокое обращение с подозреваемыми в терроризме в секретных тюрьмах, доступ в которые для Международного комитета Красного Креста закрыт. Он будет ретроактивно защищать ЦРУ от возможного судеб-

организаций ставит целью разоблачение политики, проводимой администрацией Буша. У нас она осуждается, однако мы неохотно вспоминаем наше собственное прошлое, как если бы европейские страны никогда не были замешаны раньше и не замешаны сейчас в подобных преступлениях. Но никто и словом не упоминает ни Францию, ни Англию, ни войну в Алжире, ни методы, которые применялись в борьбе против Ирландской республиканской армии. Кто старое помянет... Практика пыток на государственном уровне настолько отвратительна, что достойна лишь осуждения. О чем тут рассуждать и тем более *размышлять*?

Нельзя отрицать, что в европейских обществах (и Франция здесь не исключение) не развернулись дискуссии на тему пыток, подобные тем, что всколыхнули интеллектуальные и политические круги США. Случайно? Было бы слишком просто ограничиться таким ответом. Европа в не меньшей мере, чем США, стоит перед угрозой терроризма и в недавнем прошлом также становилась жертвой кровавых терактов — в Испании, Англии, Франции. Как противостоять этим смертельным ударам, как предупредить их повторение? Как обращаться с теми, кто подозревается в принадлежности к организациям, причастным к этим актам? В не меньшей степени, чем американцы, мы сталкиваемся с необходимостью решить проблему, какие формы допроса допустимы и, что еще важнее, какие практики совместимы с основным принципом уважения человеческого достоинства, на котором строятся наши демократические режимы. Но создается впечатление, что у нас этими вопросами никто не задается.

Что мы об этом не думаем, говорит не о том, что вопросы эти не имеют для нас первостепенной важности, но скорее о нашем странном нежелании лишиться раз совать нос на государственную кухню и о том, как легко мы миримся с тем, что нас туда не пускают. Но можно ли довольствоваться этой сознательной слепотой, этим молчаливым согласием, этой привычкой стыдливо отводить взгляд и позволять заинтересованным органам улаживать проблему по-своему, лишь бы это было эффективно? Стоит ли напоминать, что в 1999 году Европейский суд по правам человека осудил Францию за «пытки» в отношении Ахмеда Селмони со стороны пяти полицейских в округе Seine-Saint-Denis во время его содержания под стражей в 1991 году³? Дело не вызвало никаких серьезных волнений.

ного преследования путем внесения поправок в американское законодательство против военных преступлений, которое сегодня квалифицирует как преступление всякое нарушение Женевских конвенций». По словам колумниста *New York Times*, которого цитирует журналист, президент Буш прибыл в конгресс в прошлый четверг, чтобы ни больше ни меньше как «лоббировать применение пыток!».

³ В 1995 г., по словам авторов книги *Place Beauveau*, многие исламисты, задержанные по подозрению в терроризме, подвергались жестокому обращению и пыткам (электрическими разрядами) в помещениях 6-го отдела Центрального управления службы уголовного розыска в Париже, а также в Региональном отделе службы уголов-

Напротив, вопрос о пытках ставить так же необходимо, как и учитывать все трудности, связанные с ним, а их гораздо больше, чем может показаться. И если обсуждение данного вопроса начинается в журнале *Revue du MAUSS*⁴ (перев.), то это оттого, что целая серия аргументов, приводимых в оправдание этих практик, опирается на утилитарный расчет затрат и прибыли, что ставит закономерный вопрос: насколько такой подход совместим с основополагающими принципами демократии, и даже не ставит ли он их под угрозу?

Пытка — это абсолютно недопустимая практика. И нас она не касается. Так ли это?

Вопрос, который нельзя обойти

Представьте себе: арестован террорист, и его подозревают (а на это указывают все имеющиеся улики) в том, что он заложил бомбу под городскую школу; представьте также, что в одной из этих школ находятся ваши собственные дети; когда все законные методы допроса не дали никакого результата и задержанный отказывается говорить, допустимо ли в таком случае применение пыток?

Такова шоковая ситуация, которую точно отражает парадигма «бомбы замедленного действия» (*ticking-time bomb*), на которую неизменно опираются те, кто утверждает, что запрет пыток *априори* есть «абсолютистская» позиция, которой не сможет придерживаться никто, столкнувшись с подобной ситуацией, даже если он самый яркий противник пыток. В некоторых чрезвычайных обстоятельствах запрет на применение пыток, внесенный в наши законы, договоры, наши военные уставы, оказывается просто несостоятельным. Несостоятельным, безусловно, не в принципе, но на практике. Фактически, никто, или почти никто, оказавшись в такой страшной ситуации, не будет, наверное, оспаривать необходимость применения методов допроса, осуждаемых законом и моралью, если от этого может зависеть спасение невинных жизней, жизней собственных детей, которым угрожает ослепленный кровавым фанатизмом террорист.

Лицом к лицу с такой ситуацией — согласитесь, она более чем правдоподобна — все наши попытки к сопротивлению, наши принципы разбиваются вдребезги. Единожды сделанное исключение нарушает универсальный характер запрета пыток, утвержденного множеством меж-

ного розыска в Лионе. Следствие было начато ГИИП (Генеральной инспекцией национальной полиции) [Recasens, Décugis, 2006]. Что касается Англии, она была осуждена Европейским судом по правам человека за оскорбляющие и унижающие достоинство действия британской армии в Северной Ирландии.

⁴ Эта совпадающая с фамилией социолога и антрополога Марсея Мосса французская аббревиатура означает «Антиутилитаристское движение в социальных науках». — *Прим. перев.*

дународных договоров, заключенных после Второй мировой войны. И мы, как порядочные люди, находящиеся в здравом уме, понимаем это, какой бы ненавистной ни была для нас эта реальность. Может быть, мы считаем себя морально устойчивыми? Ничего подобного. Чтобы поколебать наши самые стойкие принципы, достаточно ситуации, которая возьмет нас за горло с достаточной воображаемой силой, и мы будем готовы почти тотчас же отказаться от наших принципов. И не окажется ли в глазах окружающих тот, кто выступит против применения пыток для получения жизненно важной информации в подобной ситуации, подобным тем религиозным «фанатикам», которые отказываются от переливания крови, даже когда речь заходит об их собственной жизни или жизни их близких? В конечном счете не имеем ли мы здесь как раз дело с «состоянием крайней необходимости»⁵, которое, как указывается даже в Уголовном кодексе, может оправдать нарушение закона?

Таков, по существу, аргумент, выдвигаемый защитниками пыток на государственном уровне. И он кажется неопровержимым. Поэтому, быть может, будем честными и признаем, что нельзя полностью исключить возможность применения пыток в некоторых чрезвычайных обстоятельствах и что в таком случае лучше было бы создать юридическую базу для их применения. Такова позиция одного из видных американских профессоров права Алана Дершовица, который положил начало громкому спору в США после событий 11 сентября. Далее мы еще рассмотрим его позицию.

Только что возможность прибегнуть к пытке казалась нам совершенно немислимой. Теперь вдруг все перевернулось с ног на голову.

Заранее решенный вопрос?

Тем не менее сила этой парадигмы не обусловлена лишь ее устрашающе-захватывающим характером; она также объясняется тем фактом, что ей можно найти этическое оправдание, и это в условиях морали последствий, в соответствии с которой значимость поступка определяется его вкладом в общее благо. Парадигма «бомбы замедленного действия» и вытекающее из нее оправдание пыток связаны главным образом с принципом пользы, сформулированным Бентамом, согласно которому «иногда могут возникать некоторые чрезвычайные обстоятельства, при которых благополучие народа надежнее защищается тогда, когда закон не соблюдается, но нарушается»⁶.

⁵ Состояние крайней необходимости обозначает состояние человека, который, не будучи подвергнутым нападению, совершает правонарушение, чтобы избежать угрозы или опасности, которым он подвергается, или чтобы защитить третье лицо от подобной опасности.

⁶ Bentham Jeremy. *A Fragment on Government*, I, 40.

Таким способом уравниваются противоположные этические концепции. Скажем коротко: с одной стороны — деонтологическая концепция человеческой деятельности (скажем, кантианская), провозглашающая принципы категорического императива, при которых не предусматривается никакая исключительная ситуация; с другой стороны — концепция, определяющая их в зависимости от того, как они влияют на достижение наибольшего блага вовлеченными лицами, но, как мы увидим, не связанная напрямую с принципом пользы.

Но чего ради заводить спор о пытках в терминах оппозиции между «идеалистами» и «реалистами», если мы признаем, что на самом деле позиция первых невыполнима и в ситуации «бомбы замедленного действия» они первыми отступят от своих правил, какими бы жесткими они ни были в теории? Может показаться, будто вопрос, поставленный таким образом, решен заранее. Однако ничего подобного.

Так ли вероятна, как кажется, ситуация, которую нам предстоит рассмотреть? Признать, что перед нами сценарий, который воплощается в жизнь только в строго определенных, достаточно редких условиях, при этом открывая дверь злоупотреблениям, — будет недостаточно для того, чтобы окончательно отбросить вопросы, которые он вызывает. Ибо простой вероятности того, что такая ситуация *может* произойти, простого факта, что такая возможность *может* мыслиться, достаточно, чтобы поставить под сомнение практику всеобщего и принципиального осуждения пыток. Перед тем как перейти к рассмотрению данного этического и юридического аспекта, следует спросить у себя, какова реальная польза этих физических и психологических техник, противоречащих нашим принципам и нашим законам. В какой мере они действительно эффективны? Показать, что с их помощью на самом деле почти невозможно получить достоверную информацию, — это, конечно, важный аспект спора; также важно подчеркнуть, что применение этих техник бросает длинную тень на «демократический» образ, который создали себе носящие это имя общества, и что они серьезно сказываются на надежности принципов, на которые они опираются, — сегодня мы видим, как это происходит сплошь и рядом. Но этих технических и политических аргументов недостаточно для возведения нерушимых заграждений, потому что аргументы эти выдвигаются в постоянно сомнительной перспективе расчета затрат и выгоды.

Тем не менее если запрет на пытки должен стать и оставаться золотым правилом, не знающим никакого законного исключения, это не означает, что в некоторых чрезвычайных обстоятельствах пытка или аналогичные действия, увы, не будут целесообразны. Как избежать того, чтобы эти практики подвергали опасности саму сущность наших демократий и принципы пристойности, которые в государствах данного типа непременно должны соблюдаться? Решением будет не их легализация и не такое толкование закона, которое отменит уголовное пре-

следование тех, кто применяет пытки. Остается одно возможное решение: чтобы тот, кто берет на себя решение применить пытку, был готов взять на себя ответственность за нравственные и уголовные последствия в публичном суде. Эту позицию разделили некоторые видные американские мыслители, в том числе Майкл Уолцер. Я приведу ее здесь в качестве главной гипотезы с намерением избежать как того, чтобы чаша весов склонилась в сторону абсолютного априорного запрета пытки, что значило бы запретить даже рассмотрение возможности ее применения, какими бы ни были обстоятельства, так и решения в пользу оправдания применения пыток в зависимости от конкретной ситуации, что чревато всякого рода злоупотреблениями. У этих двух удобных решений есть один недостаток: они не смотрят честно в лицо проблеме. Значит, можно предположить некое подобие «третьего пути», главной идеей которого заключается в том, что в этой ситуации мы можем ратовать лишь за запрет «условного полного согласия», как выразился Ален Кайе, потому что нельзя не отметить, что возможны, хоть и редки, чрезвычайные ситуации, когда применение пыток окажется неизбежным. Но тогда необходимо провозгласить, что нарушение наших фундаментальных норм морали и права обусловлено случаем, т.е. зависит от каждого конкретного случая. Этика личной ответственности требует от каждого отчета в своих поступках и своих решениях, а также готовности нести на себе впоследствии трагический груз ответственности за содеянное.

Оправдание пыток в Средние века и система доказательств

В самом начале следует напомнить, что наше восприятие пытки как зла (и зла неприемлемого), отвращение, которое вызывает она у нас, неотделимы от современного восприятия человека, идеи человеческого достоинства, связанной с идеей прав человека, которая является неотъемлемой чертой наших либеральных демократических обществ, от принципа неприкосновенности и запрета на использование тела. Оно также неотделимо от нашего понимания права и представления о способах получения доказательств, при которых исключается любое принуждение. По-другому дела обстояли в системе, выработанной в Средние века и просуществовавшей в целом до конца XVIII века.

Решающее значение предавалось собственному заявлению и признанию ответчика.

Согласно правилам римского канонического права, складывавшегося начиная с XIII века (Четвертый Латеранский собор, 1215 год), судья не мог вынести смертный приговор за соответствующие преступления лишь на основании улик и вещественных доказательств, какими бы явными они ни были, — они считались всего-навсего «полудоказательствами», — но только на основании собственного признания обвиняемого, полученного в случае необходимости под пыткой и публично повторен-

ного им во время судебного процесса⁷. Приговор, как полагали, таким образом, был подкреплен объективными данными, что исключало субъективную оценку судьбы.

И то, как сегодня некоторые юристы и профессора права — например, Алан Дершовиц [2002] — снова выступают за применение «судебной пытки» и «ордеров на пытку» (*torture warrants*), выдаваемых судьей в чрезвычайных обстоятельствах, представляет один из парадоксов современной ситуации.

Траектория бомбы замедленного действия

Не менее парадоксален и следующий факт: парадигма, которую представляет «бомба замедленного действия», — существует множество версий всегда одного, по сути, сценария, — относится, по определению, к чрезвычайной ситуации, но в то же время она стала по преимуществу *единственным* ориентиром в нынешней дискуссии о пытках в США после 11 сентября.

Ясна цель этой парадигмы — заставить тех, кто выступает за безусловный запрет пыток, признать, что их позиция на самом деле несостоятельна и что они сами первыми переступят запрет, если волею случая окажутся в подобной ситуации. Еще одна цель — представить пытку не как акт жестокости — той, которую либеральная мысль в целом не прекращала осуждать с XVIII века, связывая ее с поражающей своей вопиющей несправедливостью практикой Церкви или старых монархий, — но как рациональное действие, являющееся результатом решения, учитывающего только интересы наибольшего числа людей или просто требования необходимости, в макиавеллиевском смысле слова, в нашем несовершенном мире. Характер этого решения абсолютно аморален — по крайней мере, такова позиция, отстаиваемая Майклом

⁷ См. Лангбейн Джон. *Torture and The Law of Proof, Europe and England in the Ancient Regime* [1976]. Главный тезис этой работы заключается в том, что упразднение пыток явилось отнюдь не результатом воздействия философов (как обычно принято думать), таких как Томазиус, Беккариа или Вольтер, на «просвещенных» монархов того времени; не оказало влияние и «гуманистическое» движение, стремившееся положить конец неэффективной и оскорбляющей человеческое достоинство практике. Эта привычная историческая интерпретация, согласно Лангбейну, является всего лишь «сказкой». Главная причина отмены пыток в разных странах Европы во второй половине XVIII в. чисто юридическая, она была обусловлена переворотом в системе доказательств, которая отныне предоставляла судье возможность выносить судебные приговоры на основании очевидных доказательств, которые оказывались важнее «внутреннего убеждения». Ранее существовавшая система доказательств, основанная на требовании признания и публичной исповеди и при необходимости прибегавшая к применению пыток (по крайней мере, в случае преступлений, подлежащих наказанию через смертную казнь), была заменена «вероятностной» концепцией, которая утверждает достаточность вещественных доказательств.

Уолцером⁸, а он не утилитарист, — при этом человек, его принявший, может прослыть «мудрым» политиком, осмотрительным и разумным, считаться даже «героем»-жертвой, который предан общему благу и который во имя дела не колеблясь замарают руки и подвергнет опасности чистоту своей совести или спасение своей души. Тех, кто из «бомбы замедленного действия» делает парадигму, в высшей степени способную оправдать применение пыток, объединяет то, что они разделяют рациональную концепцию решения, при которой его принятие основано на расчете главным образом затрат и выгоды; из этого, однако, нельзя заключить, что все они отождествляют нравственность с рациональностью, даже если, фактически, это характерно для большинства.

Но подобное решение является «рациональным», независимо от его нравственного аспекта, только в том случае, если гипотеза, на которую оно опирается, сама всегда рационально оправданна. Однако как раз здесь и возникают сомнения. И это важный аспект дискуссии, на который следует обратить внимание, если мы не желаем ограничиться лишь этическими пререканиями.

Алан Дершовиц, Майкл Уолцер и другие, менее известные авторы, хоть и признают абсолютную правильность этой парадигмы, тотчас начинают сокрушаться на ее счет. Вот что пишет первый: «Трагическая реальность такова, что иногда пытка оказывается действенным средством, хотя многие хотели бы, чтобы это было не так. Можно привести множество примеров, в которых пыткой удалось получить правдивую информацию, необходимую для предупреждения вреда, который мог быть нанесен гражданским лицам, и этим доказывается ее эффективность» [Дершовиц, 2002. Р. 136]. И он приводит пример террориста по имени Абдул Хаким Мурад, члена группировки «Аль-Каида», который был арестован в Маниле в 1995 году. Он участвовал в теракте во Всемирном торговом центре в 1993 году и готовил взрывы в семи пассажирских самолетах, пролетающих над Тихим океаном. Согласно Дершовицу, этот план удалось раскрыть только после того, как террорист подвергся пыткам филиппинскими спецслужбами. На протяжении 67 дней его, с капюшоном на голове, избивали стулом и поленом, прижигали ему сигаретой половые органы и лили в горло воду, отчего он едва не захлебнулся. Благодаря такому «жесткому» обращению было спасено около 4000 человеческих жизней. Это типичный пример рационального оправдания пытки в доказанной ситуации «бомбы замедленного действия», скажем мы. «Невозможно, — заключает Дершовиц, — избежать трудной моральной дилеммы, когда необходимо выбирать из нескольких зол, отрицая эмпирический факт того, что *иногда* пытка срабатывает» [Ibid. Р. 137. — *Выделено авт.*]. Если не считать того, что в данном случае этот аргумент не работает: просто потому, что самую важную информацию

⁸ Майкл Уолцер затронул эту тему в знаменитой статье: «Political action: The problem of dirty hands» [in Walzer, 2004].

Абдул Хаким Мурад предоставил в первые минуты, последовавшие после его ареста, большинство же деталей, полученных под пытками, были сфабрикованы полицией, и Мурад их только повторял, чтобы прекратить свои страдания⁹. Но хотя эта информация и была бы получена под пыткой, ее оправдание срабатывает не всегда, потому что, как пишет Дэвид Любан [2006. Р. 45], «вы не можете использовать аргумент, согласно которому факт предупреждения атаки „Аль-Каиды“ оправдывал бы решение применить пытки, потому что в *тот момент, когда решение было принято*, никто ничего не знал об этой атаке»¹⁰.

Гипотеза с оговорками

Есть на самом деле «организационные» причины, по которым принцип «бомбы замедленного действия» не является таким уж правдоподобным сценарием, как кажется, даже если некоторые телесериалы, имеющие большой успех (например, сериал *24 часа*), чрезвычайно эффективно способствовали тому, чтобы представить эту ситуацию вероятной.

Этот принцип предполагает, что спецслужбы или полиция знают наверняка, что у них находится террорист, участвующий в подготовке теракта. Но это предположение достаточно маловероятно, если только не является результатом кропотливой следовательской работы, а это не всегда так. Видимо, применение пыток позволит получить эту информацию, но, к сожалению, не всегда возможно знать это заранее. Однако, если это неизвестно заранее, во имя чего тогда прибегать к пыткам в отношении такого заключенного? Что может гарантировать, что тысячи людей не будут подвержены подобному жестокому обращению под предлогом того, что один или некоторые из них могли бы быть террористами, обладающими информацией о готовящейся атаке? В отсутствие предварительной информации, надлежащим образом обоснованной и подтвержденной, принцип «бомбы замедленного действия» рискует дать зеленую улицу перегибам разного рода.

Мы можем также предположить, что, если бы был арестован известный террорист, отъявленный преступник, в таком случае применение пыток было бы обоснованным. Но сколько времени нужно его пытать, если он отказывается говорить? — День, неделю, месяц, год? И почему бы не взяться за его детей и не пытать их у него на глазах, если на кону жизни тысяч невинных людей? И кто должен принимать это решение? И как, наконец, можно быть уверенным в достоверности предоставленной им информации? Мы еще вернемся к этим щекотливым вопросам.

⁹ Этот случай анализирует Альфред Маккой [2006. Р. 100–112], который показывает, до какой степени его использование в защиту принципа «бомбы замедленного действия» опирается на обман или незнание.

¹⁰ Хотя Любан ошибается в представлении фактов, его критика адекватности принципа «бомбы замедленного действия» сама является адекватной.

На самом деле ситуация бомбы замедленного действия построена на допущениях, редко материализующихся в реальной жизни: необходимо, чтобы было установлено, что задержанный действительно является террористом, и чтобы на основании неоспоримых доказательств в распоряжении следствия *уже* имелись сведения о том, что он располагает информацией о предстоящем теракте, угрожающем жизни невинных людей. Однако, если при необходимости эта информация может быть добыта под пыткой, ее получение не сможет извинить подобной практики, потому что это оправдание действует *ретроактивно*. Если только сведения не были известны раньше — например, наличие заговора или плана теракта, обнаруженное в ходе предварительного следствия, — то, следуя данному предположению, тысячи ни в чем неповинных людей рискуют оказаться под пыткой. Так, в своем докладе о применении пыток в Абу-Грейб (август 2004 года) Дж. Шлезингер отмечает с сожалением, что «в глазах американцев большинство случаев, в которых применение жестокого обращения с заключенными оправдывается по моральным (*sic*) причинам, начинаются с различных вариантов сценария „бомбы замедленного действия“»¹¹.

Этот сценарий вероятен лишь при определенных условиях, и оправдание пыток, которое по этому сценарию в некоторых случаях было бы возможно (далее я буду говорить об этом), зависит от этих условий, которые соблюдаются далеко не всегда.

Либеральная идеология пытки

Но недостаточно показать, что аргумент *princeps*, на котором основывается либеральное обоснование пытки, опирается на исключительно условный принцип и что оно открывает дорогу опасным злоупотреблениям. Если я уточняю, что речь идет в данном случае об обосновании, приемлемом для «либерала», который, по определению, выступает против любой формы насилия и жестокости и, значит, *a priori*, против применения пыток, я делаю это с тем, чтобы отличить его от того, кто видит в пытках обычную государственную практику, не вызывающую проблем, какие бы цели ни преследовались: будь то получение признания в изначально сфабрикованных делах в советскую эпоху, борьба против коммунистической подрывной деятельности во время «грязной войны» в Аргентине, затем в Бразилии, или идеологическое господство в том виде, в каком оно практиковалось красными кхмерами в Камбодже во второй половине 1970-х годов, и т.д. Каким образом либерально-демократические государства и их граждане смогли бы когда-либо согласиться на применение пытки, раз это противоречит всем их принципам? Таково следствие ситуации «бомбы замедленного действия»: сделать эту государственную практику возможной, даже легальной в обществе, проникнутом идеала-

¹¹ Цитируется Дэвидом Любаном [2006. Р. 45].

ми политического либерализма, уважения личности, ее прав и достоинства. Эта парадигма рождает, по словам Дэвида Любана, «либеральную идеологию пытки¹²» (и это не оксюморон), главная идея которой – представить пытки как необходимый, даже неизбежный способ для получения сведений и, таким образом, предотвратить катастрофу [2006. Р. 43]. Проблема заключается в том, что стоит лишь принять эту практику, как, возможно, под угрозой окажутся все наши основные принципы, даже если речь идет об очень редких случаях. Более того, эта ситуация имеет последствия, выходящие далеко за рамки ее исключительного характера как раз потому, что она используется не только в качестве достаточно неопределенной гипотезы, распространяющейся лишь на крайние случаи, но и в качестве *общей* модели для размышлений и решений. Таким образом, то, что казалось по самой своей природе как бы исключением, незаметно превращается в *единственную* референцию, которая служит как бы фоном не только академических споров, но и реальных практик, как отмечается в докладе Шлезингера. Исключение становится нормой, редкое – заурядным, размышление и решение строятся по регулируемой схеме, которая тем самым значительно расширяет свои первоначальные функции. Одно сравнение поможет нам понять абсурдность и опасный характер подобного мышления: это как если бы мы захотели переосмыслить и реорганизовать всю политическую и институциональную систему Франции, основываясь лишь на статье 16 Конституции 1958 года¹³!

Очевидно, однако, что парадигма «бомбы замедленного действия» занимает поистине центральное место в современной дискуссии о пытках, которая ведется в демократических обществах, и в частности в США. Но есть основание усомниться в целесообразности того, что в центр всего помещается какая-то маргинальная, находящаяся на периферии гипотеза. В эту ловушку мы попадаем из-за ошибки в мышлении, что не так безобидно, как можно было бы представить.

Но, несмотря на все вышесказанное, – и я думаю, это самое главное, – признаем, что ситуация, описанная в такой парадигме, все-таки может сложиться, и, как мы увидим далее, подобную возможность нельзя отрицать. Тогда хочется спросить у себя, так ли уж обоснованно, как кажется, применение пыток при такой возможности. Этот вопрос «обоснованности» ставится: 1) с точки зрения эффективности; 2) с точки зрения морали. Следовало бы еще добавить «с точки зрения права», но в некоторой степени здесь вопрос решен заранее, потому что в наших обществах закон полностью запрещает их применение (хотя неко-

¹² В США либерал противопоставляется консерватору и выступает в левой части политической арены, а не в правой, как во Франции.

¹³ Статья 16 позволяет президенту Республики сконцентрировать в своих руках все государственные полномочия в случае прекращения нормального функционирования общественных организаций. В этом случае он может принимать «решения», которые обычно находятся в ведении законодательной власти.

торые американские юристы пробовали обойти этот запрет, когда речь шла об арестованных, подозреваемых в принадлежности к «Аль-Каиде» или выходах из так называемых «несостоятельных» государств).

Правило и исключение

В действительности, тот факт, что пытку превращают в практику, которую можно публично принять, пусть даже в некоторых отдельных случаях, предполагает, что мы заранее отвергли абсолютный запрет, предметом которого она является. Если мы будем соблюдать действующие международные соглашения и законы, если будем придерживаться точки зрения, официально преподаваемой в военных академиях, тогда такой вопрос даже не возникнет. Международные конвенции — это клятва Гиппократа для женщин и мужчин, обученных техникам получения информации, как отмечает Крис Макей, который исполнял служебные обязанности в Афганистане, а до этого проходил обучение в Форт-Хуачуке (Аризона), затем в Форт-Брэгге.

Дознаватель, напоминает он, не может ставить свои принципы под сомнение; он должен претворять их в жизнь, и точка. По крайней мере, его так учат. Принципы Женевских конвенций, пишет он, это «библия дознавателя», которую он обязан знать наизусть¹⁴. Поэтому он должен игнорировать возможность, при которой «бомба замедленного действия» оправдала бы нарушение этих правил. Сопrotивляться подобному искушению можно только в той мере, в которой возможность ему поддаться отбрасывается полностью и принципиально. Другими словами, даже когда сама практика пытки могла бы быть оправданна при некоторых обстоятельствах, подобная возможность должна быть *a priori* исключена. Мы не смогли бы пойти на исключение, потому что в такой ситуации исключение располагается внутри правил и становится рядовым случаем¹⁵: этот последний исключает применение пыток, но в чрезвычайной ситуации, говорят нам, они могут быть оправданны. Но то, что является лишь чрезвычайным случаем, который, возможно, допускает нарушение закона, выдает себя за возможность, которую нельзя исключить, — и соответственно влечет за собой разращение и «генерализацию». Любому задержанному можно вменить обладание подобными сведениями. И это нужно и принять, и исключить одновременно. Если только мы не столкнемся с чрезвычайной ситуацией, чей исключительный характер будет подтвержден рядом доказательств, мы должны запретить себе делать это допущение: один факт, что мы думаем об этом, — уже сам по себе уступка злу, как будто мы сами его порождаем,

¹⁴ Крис Макей и Грэг Миллер [2004. P. 30].

¹⁵ См. Познер Ричард. «The best offense» [2002]. Эта статья представляет собой критическую рецензию на книгу Алана Дершовица (www.law.uchicago.edu/news/posner-r-terrorism.html).

пусть даже в облике возможности. И стоит только допустить такую возможность, мы знаем по опыту, что всегда найдется случай, а за ним множество других, чтобы от мысли перейти к действию.

И последний аргумент, заслуживающий упоминания, хотя бы короткого: пытки, применяемые правительствами, — это не совокупность «технических приемов», а *институт*, социальный институт, работа которого зависит от политических решений. Поэтому совершенно ошибочно полагать, что решение, даже в чрезвычайной ситуации, зависит от воли тех, кто непосредственно с ней связан. Это западня, подвох — задавать кому-либо вопрос: что бы он сделал в подобной ситуации? Просто потому, что такой вопрос ему никогда не зададут. Как пишет Бернард Уильямс [1973, цитируется у Любана, 2006. Р. 47], «бывают такие чудовищные ситуации, что сама по себе идея того, что действия разумной морали смогли их как-то разрешить, является просто бессмысленной (*insane*) [...]». Тратить время, спрашивая себя, какое бы мы приняли решение в подобной ситуации, также бессмысленно, даже легкомысленно». Единственное, что мы можем осознать, оказавшись перед таким вопросом, это то, насколько хрупкими являются наши моральные принципы. И именно потому, что, столкнувшись с такой угрозой, наша реакция несомненно была бы эмоциональной и импульсивной, мы ждем, что власти *поступят по-другому*. Таков принцип непредвзятости, на котором основана идея правосудия.

Полный запрет

«Гуманные» принципы, которыми регламентируются допросы, определяют заранее отношение к заключенному, устанавливая в качестве основного правила уважение его достоинства и физической и моральной неприкосновенности. Ряд конкретных норм, предписанных международными конвенциями, — в частности, Женевской конвенцией об обращении с военнопленными (1949) и Конвенцией против пыток, принятой Генеральной Ассамблеей ООН (1984), — опирается на этот принцип. Так, Женевской конвенцией запрещается «посягательство на жизнь и телесную неприкосновенность, а именно: убийство во всех формах, нанесение увечий, акты жестокости, пытки и мучения [...] посягательства на достоинство людей, оскорбительные и унижающие достоинство акты» (статья 3). В целом «с военнопленными надо обращаться гуманно» (статья 13). Арестованные обязаны сообщить только свою фамилию, имя и звание, дату рождения и регистрационный номер (статья 17). В той же статье упоминается о полном запрете на применение пыток: «Никакие физические или моральные пытки, никакое принуждение не могут применяться в отношении военнопленных в целях получения от них каких-либо сведений. Пленные, которые отказываются отвечать на вопросы, не могут подвергаться угрозам, оскорблениям, а также каким-либо неудобствам».

Под этим подразумевается, что между заключенным и допрашивающим должна поддерживаться хоть какая-то симметрия в отношениях, которые изначально полностью асимметричны. Поэтому в допросе должен сохраняться некоторый принцип равенства, и из этого равенства — которое, естественно, не может быть полным — вытекает тот факт, что должна оставаться, несмотря ни на что, несмотря на асимметрию и неравные условия, возможность отношений на равных. Не отношения доверия и уж тем более симпатии (хотя подобное иногда встречается), но отношения, в которых присутствует хоть малая доля равенства. Даже если для этого в ход идут ложь, хитрость или сокрытие. С обеих сторон. Но как раз это и важно: то, что мы еще можем употреблять выражение «с обеих сторон».

В соответствии с легально допустимыми процедурами, допрос сводит на сцене, а зачастую все происходит как в театре; и в самом деле, есть определенная сценография спектакля (в обоих значениях слова), в которой разворачивается действие и которая являет собой место развития некоего подобия драмы — двух человек, участвующих в настоящей битве, и это битва двух *умов*: одного, утвердившегося в своем желании молчать и не выдать ничего по-настоящему значимого, и другого, выжидающего, когда правда выйдет наружу, а это сможет произойти, только если ему удастся побороть сопротивление арестованного, который, естественно, — а разве может быть по-другому? — будет упираться. Все возможные легально допустимые техники преподаются военным или гражданским дознавателям, для того чтобы одолеть это сопротивление, не прибегая к жестокости, но они не гарантируют успеха и зависят от множества факторов — от опыта дознавателя, его ума, терпения, хитрости, а также от способности пленника не дать втянуть себя в игру, сопротивляться манипулированию. Поэтому допрос должен занимать определенное время — время, которое ситуация «бомбы замедленного действия» предоставить не может; десятки часов вопросов-ответов, игры в кошки-мышки, написания рапортов, затем анализ (сверка, проверка фактов путем сопоставления и т.д.) с тем, чтобы запутать пленника, найти его «слабое место» и заставить его в конце концов уступить. Техники, отлично систематизированные в учебниках по допросам, чередующие угрозы и обещания, унижения и лесть, смену допрашивающих и допрос одновременно несколькими лицами, когда один выступает в роли «хорошего», а другой в роли «плохого», и т.д. Только сведения, предоставленные задержанным, который сознается «свободно», могут с натяжкой считаться заслуживающими доверия и полезными, потому что покорившиеся воля и ум придадут его словам некоторое правдоподобие¹⁶.

Как видим, не существует противоречия между обязанностью соблюдать законные правила, регулирующие методы ведения допроса, и поиском эффективности. Можно даже утверждать, что только одобренные

¹⁶ На эту тему см. Крис Макей и Грег Миллер [2004].

законом техники по-настоящему эффективны, они вовсе не вынуждают дознавателя «скрестить руки за спиной», согласно карикатуре сторонников пыток. Потому что результаты, которые дают пытки, не имеют большой ценности, можно даже сказать, никакой ценности. По крайней мере, когда речь идет о физических пытках.

Тщетность пытки

Цель физической пытки — полный контроль над телом. Речь идет не столько о подавлении сопротивления арестованного, — на это направлены и законные методы допроса, которые, естественно, не являются простой болтовней или невинным обменом репликами, — сколько о том, чтобы лишить его всякой возможности сопротивляться и, более того, быть в полной мере собой. Речь идет также о возможности молчать, хотя словам пытаемого пленника нельзя доверять: он скажет то, что от него ждут, и эти сведения не только ненадежны, единственная их цель — покончить с страданием. Обесцененные слова, не правдивые и не ложные, бессмысленность которых является следствием обесценивания существа, от которого они исходят. Это круг, в котором человек и его слова больше не имеют смысла. Поэтому у него даже не остается возможности лгать или обманывать или скрывать что-либо. Говорить, чтобы ничего не сказать, потому что цель — не установление каких бы то ни было отношений, но избавление от боли, завоевывающей пространство всего человека. Человек под пыткой являет собой только боль, и его речь становится единственным оставшимся у него способом не просто сказать что-то, но избежать всеобъемлющего страдания, которое сводит с ума и разрушает его, разрушает навсегда, в том смысле, что никакая беседа впоследствии уже невозможна. Пытка уничтожает комплементарность, без которой невозможна коммуникация. Чтобы говорить друг с другом, надо быть вдвоем, надо быть хоть немного лицом к лицу. Но пытаемый никому не противостоит, даже самому себе; он пойман, захвачен болью и отныне составляет с ней одно целое, плоть, которая испытывается как никогда раньше. «Его плоть, — пишет Жан Амери, — истязаемая нацистами, во всей своей полноте осуществляется в его самоотрицании [...]. Только во время пытки единство человека и его плоти становится абсолютным: воя от боли, истерзанный и сломанный жестокостью человек, который не может надеяться ни на какую помощь, который потерял право законной защиты, отныне является только телом и ничем другим» [1995. P. 82–83].

Пытка, уничтожая личность человека и возможность коммуникации, никогда не сможет вернуть речи, исторгаемой под ее воздействием, обычный статус речи. Вот почему тот, кто говорит в подобной ситуации, по сути ничего не говорит, не потому, что молчит, но потому что его слова лишены смысла — будь то крик, вопль или признание, неважно. Поэтому опытные и обученные специальным техникам дознаватели ничего не ждут от этих слов и знают, что им нельзя ни верить, ни не верить.

В конечном счете логика пытки ведет к ее собственному провалу, мешая появлению того, к чему она стремится: некоторой «значимой» информации. И не то чтобы она была бесполезной, неэффективной или безнравственной, вопрос совсем в другом — физическая пытка совершенно бесполезна. Еще раз повторим: потому что она разрушает условия, при которых слова пытаемого можно было бы принять всерьез, отличить правду от искажения или лжи. Так как допрашиваемый не является более субъектом, вовлеченным в отношения коммуникации, информация, которую он выдаст в последний момент как крайнее средство, не будет по большому счету иметь значения, что не означает, что она обязательно неверна.

Вот почему физическая пытка никогда не может служить *надежным* средством добиться правды. Она уничтожает саму возможность анализа слов и реакций задержанного, а ведь этот анализ — самое главное в работе дознавателя. Поскольку больше нет субъекта, значит, нет и слов. Пытаемый может сказать все, что хочет, или, скорее, то, что хотят от него услышать, или он не говорит ничего, хотя некоторые демонстрируют удивительное сопротивление, так как порой испытание страданием не разрушает, а усиливает *Я* человека¹⁷. Что касается пытателя, то он стремится не столько получить сведения, сколько полностью подчинить задержанного, с тем чтобы он взял на себя все преступления, в которых его обвиняют, даже если все они вымышлены.

Техники психологического манипулирования

Возможно, поэтому, чтобы избежать этой апории физической пытки, были разработаны альтернативные решения, связанные с психологическим воздействием. Они опираются на две основные техники психологического контроля (*mind control*): сенсорная дезориентация (*sensory disorientation*) и боль, причиненная человеком самому себе (*self inflicted pain*). Это страшные и удивительные по своей эффективности методы, направленные на то, чтобы в самое короткое время подавить сопротивление субъекта, не прибегая к законным формам допроса (главный недостаток которых, как мы видели, заключается в том, что они требуют временных затрат), а также не вызывая дезиндивидуализации пленника, слова которого в случае физической пытки лишаются смысла. Идея проста — задержанный должен чувствовать, что сам является причиной своего страдания. Например, можно заставлять его оставаться в положении стоя день или два, для того чтобы он понял, что виной тому *его* отказ сотрудничать, его безрассудное упрямство, а не злое или садистское желание дознавателя. Эти техники психологического манипулиро-

¹⁷ Удивительным примером этого смелого сопротивления, когда не было выдано никакой информации и допрашивающие остались в неведении, является случай Анри Аллега, которого пытали парашютисты французской армии во время войны в Алжире. См. его *La Question* [1958].

вания были описаны в 1963 году в учебнике ЦРУ по ведению допросов «KUBARK Counterintelligence Interrogation», где предлагалось, например, беспрерывно менять ритмы сна и/или питания, резко чередовать крайние температуры, запиравать заключенного в темной камере, где звучит оглушающая музыка, угрожать насилием или пытками, и часто эти угрозы оказываются более эффективными, чем сами пытки, или еще заставлять находиться в течение более или менее продолжительного времени в мучительных позах (*stress positions*) и т.д. Цель этих техник — привести субъекта в состояние психологической «регрессии» и потери личной автономии¹⁸. Они являются результатом исследований (некоторые из них чудовищны¹⁹), на которые американскими спецслужбами, и в частности ЦРУ, начиная с 1950-х годов, выделялись миллиарды долларов в год; в 1970-е годы эти результаты тайно отправлялись в Латинскую Америку для борьбы против коммунистической подрывной деятельности и позже применять их к задержанным, по отношению к подозреваемым в совершении терактов после 11 сентября 2001 года.

Юристы на службе у пытки

Эти, а также другие, еще более оскорбляющие и унижающие достоинство, техники, как стало известно всему миру, применялись в Абу-Грейб, они применяются также, хотя об этом нам известно меньше, в Гуантанамо или в тюрьмах Афганистана. Нам бы так хотелось верить в то, что, как отмечается в официально представленных сегодня рапортах, поступающих из американской армии или других источников, подобная жестокость — это дело рук лишь некоторых паршивых овец или «гнилых яблок» (*bad apples*), что подобное случается лишь по недосмотру в командных инстанциях. На самом деле эти действия — часть систематически проводимой государственной политики, которая провозглашена секретарем министерства обороны в рамках «глобальной войны против терроризма» и на защите которой стоит целый арсенал юридической казуистики, разработанной юристами министерства юстиции и Белого дома, в соответствии с которой международные конвенции оказываются неприменимы в отношении пленников из «несостоятельных государств» (*failed states*) и членов «Аль-Каиды»²⁰. «Члены незаконных вооруженных формирований» (*unlawful combatants*), к которым более неприменимы

¹⁸ См. Альфред МакКой [2006].

¹⁹ См. Гордон Томас. *A Journey into Madness, Medical Torture and the Mind Controllers* [1988], а также Альфред МакКой [2006].

²⁰ Различные меморандумы, составленные юристами министерства юстиции США, были опубликованы в *The Torture Papers, The Road to Abu Ghraib*, под редакцией Карен Дж. Гринберг и Джошуа Л. Дрател [2005]. См., в частности, меморандум Джона Йоо от 1 августа 2002 г. (*Standards of Conduct for Interrogation*), отправленный Альберто Гонзалесу, который был советником президента в Комитете национальной безопасности.

правила, распространяющиеся на военнопленных, могут совершенно законно подвергаться суровым методам допроса, главное только не переусердствовать, ибо это может привести к привлечению членов спецслужб к уголовной ответственности. Эти юристы подготовили на вид правдоподобную интерпретацию различных национальных и международных законов, а также военных кодексов США, с тем чтобы обезопасить дознавателей от возможного в будущем привлечения к ответственности в американских трибуналах. Хотя на этот счет особенно беспокоиться не приходится, поскольку все тюрьмы расположены либо за границей, либо в экстерриториальной зоне, например на Кубе, тем самым будучи неподконтрольными национальной юрисдикции (что, однако, оспорено двумя решениями Верхового суда США в 2004 и 2006 годах).

Так было дано разрешение на использование методов, осуждаемых международными конвенциями, которые стали процветать повсеместно в Ираке, на Кубе и в Афганистане, не говоря уже о практике «экстрадиции» (*extraordinary renditions*) пленных «призраков» из «Аль-Каиды» в «черные точки», расположенные в Узбекистане, Марокко, Египте, Иордании или Сирии, где пытки применяются свободно. Если несколько рядовых солдат были приговорены к тюремным срокам военными судами Америки за содеянные акты (в частности, в Абу-Грейб) — ни один из членов офицерского состава не понес уголовной ответственности, и дело никогда не коснулось членов администрации Буша, на которых лежит основной груз ответственности и которые являются инициаторами так называемых «перегибов». Ибо это политика, основанная на преступлении; и сегодня это государственное преступление идет по пути легализации американским конгрессом, согласно законопроекту, поддержанному самим президентом США.

Сегодня с большой долей уверенности можно утверждать, что сведения, полученные в таких условиях, в основном бесполезны. Не будем забывать, что около 90% задержанных вооруженными силами США просто-напросто не имели ничего общего с террористической деятельностью. Спецслужбы, находящиеся в ведомстве министерства обороны или ЦРУ, не смогли предоставить ни одного примера ситуации «бомбы замедленного действия». По большому счету пользу и определенную эффективность демонстрируют классические методы расследования и допроса, которым, в противоположность тому, что некоторые хотели бы нам доказать, нисколько не мешает обязанность соблюдать гуманные принципы международных конвенций.

Правда, эти утвержденные законом техники не всегда работают. Некоторые задержанные упорно хранят молчание, другие только лгут или выкрикивают оскорбления, самые сильные, которые иногда были подготовлены к этим методам²¹, оказывают сопротивление, остальные, бо-

²¹ Так, в одном тренировочном лагере «Аль-Каиды» в Аль-Фаруке (Афганистан), был обнаружен учебник, в котором с поразительной точностью представлены амери-

лее слабые и менее «интересные», уступают. Это также верно. Но отсюда нельзя делать вывод, что только жесткие методы, использующие жестокость или направленные на разрушение личности субъекта, оказываются действенными.

Следовать принципам, не подлежащим обсуждению

Однако было бы попросту неверно утверждать полную неэффективность физической пытки и психологического манипулирования. Если бы это было так, вопрос об их целесообразности просто бы не ставился, и было бы невозможно появление той «либеральной идеологии пытки», о которой мы говорили выше. Дело в том, что пытка или аналогичные действия иногда приводят к получению настоящих сведений, хотя в редких случаях и какой ценой! Американский опыт в Афганистане, в Гуантанамо и Абу-Грейб свидетельствует о том, что подобными методами удалось извлечь не так уж много полезной информации — ничто или почти ничто по сравнению с тем количеством арестованных, которые им подверглись. Если бы мы придерживались лишь утилитарного расчета, он бы сыграл не в пользу пытки (если, конечно, принимать в расчет страдания жертв, которые, к сожалению, никогда не учитываются). И не с помощью этих методов получения информации были арестованы некоторые из руководителей «Аль-Каиды», но, напротив, классическими методами следствия на месте. А что же думать о сотнях и даже более невинно осужденных и подверженных пыткам? «Дознаватели из ФБР, — отмечает Альфред МакКой, — безусловно, одни из лучших специалистов по данному вопросу, поняли, что военные техники позволяют получить мало правдивой информации и что они во многом схожи с их собственными методами, подтвержденными опытом, состоящим в том, чтобы построить отношения на основании длительных допросов без элементов принуждения» [2006. Р. 196]. И ни слова об огромной политической цене, которую американская демократия должна будет заплатить в будущем за нарушение принципов, лежащих в ее основе. И здесь расчет, не заметить которого последовательный утилитарист не смог бы.

канские техники допроса и способы противостоять им, а также говорилось о возможности сообщить о злоупотреблениях в международные организации, например Красный Крест. «Неприятие пыток Соединенными Штатами было представлено как символ слабости Америки, — рапортует Крис Макей. — Самое большое негодование в учебнике «Аль-Каиды» вызывало то, что в нем ставился поразительно точный диагноз: американцы будут держать вас в камерах, будут кормить вас военным пайком и обеспечат душ два раза в неделю. Но когда начнется разбирательство, вы сможете лгать им, отказываться говорить, каждый раз менять показания, и они ничего не смогут вам сделать» [2004. Р. 180]. В заключение Макей добавляет: «В долгосрочной перспективе это была наша сила. Но в данный конкретный момент, это оказывалось ужасающей слабостью» [Ibid].

Хотя мы можем доказать бесполезность и неэффективность *массового* применения пыток, а также зачастую неверную, даже извращенную трактовку главного аргумента, который призван их оправдывать, — этим аргументом, как помним, является гипотеза «бомбы замедленного действия» — проблема этих фактических и эмпирических аргументов в том, что они никогда не исключают, что в будущем что-то может пойти по-другому. Начиная с того момента, когда появляется вероятность «иногда», все принципы расшатываются. Как отмечалось выше, если исключение публично признается хотя бы один раз, оно перемещается в орбиту правила, которое в тот же миг теряет свою нормативную сущность. Никто лучше Канта не понимал этой опасности, поэтому он старался, чтобы императивы нравственного закона были безусловными, *a priori* признаваемыми необходимостью. А что верно с точки зрения морали, то верно и для закона, когда речь заходит о защите незыблемых принципов, которые определяют суть такого политического режима как демократия. Некоторые из этих принципов не обсуждаются, и среди них в первую очередь уважение человеческого достоинства, которое нельзя унижать и более того, подвергать кого-то пытке, физической или психологической. Может быть, в краткосрочной перспективе это является слабостью (об этом можно спорить до бесконечности); но, если мы смотрим далеко в будущее, эта слабость становится силой, потому что только так режим может оставаться верен принципам, на которых он был основан в прошлом, и отказаться от искушений настоящего, которые в будущем могут посягнуть на саму его сущность. Напомним определение права Рональда Дворкина: «Позиция права является конструктивной: она направлена на сочетание теории и практики, и цель его — найти наилучший путь к лучшему будущему, соблюдая, как и подобает, верность прошлому. Это есть, наконец, братское отношение, выражение способа, которым мы объединены в коллектив, оставаясь разделенными по интересам, убеждениям, устремлениям» [1994. Р. 449–450]. Такая концепция исключает тот факт, что подобное «отношение» может когда-либо оказаться в опасности в случае неожиданной ситуации, которая открыла бы возможность не «лучшего», но худшего будущего. Однако именно к этой возможности ведет нас либеральная политика государственной пытки.

Демократические общества — это не обязательно «пристойные» общества

Опыт истории с достаточной очевидностью свидетельствует, что ни одному диктаторскому или тоталитарному режиму, при котором, однако, «все позволено», не удалось просуществовать также долго, как либеральным демократиям. А если так, то частично это потому, что структурно они организованы таким образом, чтобы ограничивать власть юридическими нормами — это то, что англичане называют *the rule of law*, — что ограничивает злоупотребления властью. Данное ограничение

суверенности власти теоретически помещает право на ступень выше различных форм политического манипулирования. Поэтому всякая попытка обойти международные соглашения посредством казуистических интерпретаций, как это делает исполнительная власть США и ее юристы с целью узаконить применение пыток, бесконечно опасна. То, что кажется инструментом силы, становится причиной слабости не только для самой власти, но для всего режима, выражением которого она является. Попытки смягчить запрет на пытки, особенно с помощью закона, приводят к тому, что под сомнение ставится один из главных принципов системы, а это ведет к ее расшатыванию. Ослабив эту норму, почему бы не сделать то же самое с другими? И действительно, по США прокатилась целая волна губительных для свободы законов, принятие которых явилось следствием снятия запрета на пытки, и все это во имя императива общественной безопасности.

Без сомнения, равновесие между безопасностью и свободой установить непросто, но защита основных свобод является, в конечном счете, лучшим и единственным способом гарантировать гражданам жизнь в надежном обществе, т.е. в обществе, принципы которого не пересматриваются в зависимости от тех или иных обстоятельств. Это также лучший и единственный способ не попасть в ловушку, поставленную искусными террористами, чья ненависть по отношению к западным обществам может сравниться разве что с презрением, которое они испытывают к ценностям, на которых эти общества основываются, и имеющую дьявольскую цель — ввергнуть эти ценности в свою разрушительную логику. Это, наконец, единственный способ защиты нашей принадлежности к «человеческой общности» — как тонко подмечено Аленом Кайе, — которая все же находится в самом сердце демократического идеала.

Существует последний аргумент, который необходимо здесь представить.

Результатом, и достаточно пугающим, от введения практики пыток в либеральных демократических обществах является смешение представлений и полный развал традиционной типологии режимов, которая была установлена во время «холодной войны» Реймоном Ароном, например (конституциональные или другие режимы, однопартийные или же, наоборот, допускающие партийный плюрализм и т.д.). Ни один из режимов, практикующих применение пыток на государственном уровне, не лучше аналогичного ему другого, потому что критерий различий будет только *количественный* (при демократии пытают меньше, чем при диктатуре). И нет какого-то *порога*, которого можно достичь, просто потому, что никакое число не позволяет перейти от количественного к качественному. В конечном счете, достаточно одного случая. По крайней мере, с точки зрения принципов.

В ситуации подобного смешения представлений встает необходимость установления новой типологии, которая различна в *пристойных* и *непристойных обществах*. Мы воспользуемся определением Авишаи

Маргалит: «Пристойное общество — это общество, которое не унижает людей» [1999. Р. 13].

По всей очевидности, пытка представляет собой практику невероятного унижения, которая ущемляет достоинство людей, психическое и телесное. Однако общество формально может быть демократическим, не будучи пристойным. Мы имеем в виду США сегодня, т.е. после 11 сентября 2001 года. Действительно, критерий «пристойности» не означает то же, что критерий демократичности политической системы. Применение пыток может одобряться большинством представителей страны, выбранных всеобщим голосованием. Эта гипотеза так правдоподобна, что она была эксплицитно изложена Верховным судом Израиля²² в 1999 году. И по этой же дороге готовятся пойти члены американского конгресса. Однако при этом, если такой режим не лишится своего формально демократического характера, он потеряет что-то существенное. Что же? Свою «душу»? Как бы мы это ни называли, но факт посягательства на человеческое достоинство, грубое обращение и причинение страданий, превращение человека в «инструмент» для получения сведений, характеризующихся как «жизненно необходимые», использование его как средства для достижения цели, если пользоваться терминологией Канта, — всегда имеет «сущностную» природу, намного более сущностную, чем процедуры выборов, разделение властей, партийный режим и пр. Пытка, соотношенная с принципом уважения человеческого в человеке, его достоинства, является крайним его нарушением, даже большим, чем смертная казнь. Как таковая она неприемлема при любом гуманном режиме, в основе которого лежит уважение личности. Однако на основе данного критерия пристойности многие демократические общества не смогли бы избежать обвинений, учитывая все то, что они совершили в прошлом и совершают сейчас. Конечно, не смогла бы сделать этого сегодняшняя или вчерашняя Америка, а также Израиль, Англия или Франция, так стремящаяся забыть о репрессиях времен войны в Алжире.

«Холодная война» между двумя антагонистическими блоками позволяла мыслить мир в четких и ясных категориях. Частично это было иллюзией, если вспомнить, что демократии применяли у себя и в других странах пытки не меньше, чем их идеологические враги, даже если масштабы содеянного разнятся. Но даже на этот счет мы можем поспорить. Если еще имеются сомнения, достаточно почитать или перечитать *Признание* Артура Лондона: методы, применявшиеся дознавателями чешской службы безопасности в начале 1950-х годов, которым они были обучены специалистами из Советского Союза, те же, что применяются пятьдесят лет спустя в американских местах заключения: лише-

²² «Постановление, касающееся методов допроса Главных служб безопасности», Верховный суд Израиля, 6 сентября 1999 г. В этом решении высочайшая юрисдикция страны все же осудила, на основании современного права, практику применения пыток.

ние еды и сна, обязанность сохранять причиняющее боль физическое положение, — Лондону, например, было приказано непрерывно ходить по тошнотворному подвалу, в котором его держали, — допросы, длящиеся дни и ночи напролет²³. И конечно, знаменитые очки с затемненными стеклами, которые стали известными благодаря фильму Костаса-Гавраса и которые впоследствии можно было видеть на заключенных Гуантанамо во время их перемещений.

Сегодня нам достоверно известно, что, если в рамках «глобальной войны против терроризма» практика применения пыток снова займет свое место на службе государства, мы окончательно лишимся понимания того, кто мы и куда идем. Принципы подвергаются осмеянию, соглашения игнорируются или не соблюдаются; ориентиры сбиваются, наше представление о нас самих расплывается. Будущее видится как никогда опасным. Мы дали исламистским организациям идеологические аргументы, которые надолго обеспечат им пополнение кадров, о котором они и мечтать не могли, эти аргументы почти подтверждают истинность на самом деле ошибочной теории Самюэля Хантингтона о «столкновении цивилизаций». После всего этого как мы можем осуждать пытки (где бы они ни применялись), если мы делаем то же самое? Поэтому необходимость придерживаться принципов пристойности для наших обществ гуманистической традиции является жизненно важной. Даже можно сказать, делом сохранения жизни. И эти принципы подразумевают осуждение пыток во всех формах, какими бы ни были выдвигаемые этические аргументы.

Но следует ли из безоговорочной поддержки законный запрет на пытки, что мы никогда и ни при каких условиях не сможем прибегнуть к ним? В действительности, несмотря на все вышесказанное, это не так.

Где мы видим, как реальность и наши мысли встречаются

Интеллектуальная порядочность заставляет меня признать, что мы до настоящего времени мало изучили тот случай, когда гипотеза «бомбы замедленного действия» воплощается в реальной жизни. Для примера приведем тот случай, когда спецслужбы узнали о подготовке теракта, в котором погибли бы невинные люди, арестовали главных руководителей и потенциальных исполнителей и имели законные основания подозревать, что задержанные обладают информацией о других готовящихся нападениях. Однако в то самое время, когда я пишу эту статью, в четверг 10 августа, мы узнаем, что крупномасштабный проект нападения на пассажирские самолеты американского направления, действительно готовящийся «Аль-Каидой», был сорван британскими спецслужбами и полици-

²³ См. также Карел Бартошек [1996].

ей. Хотя на данный момент мы располагаем лишь частичной информацией, может, даже частично урезанной или неверной, — не нужно забывать об осторожности, — но кажется, что избежать беспрецедентной катастрофы, которая стоила бы жизни миллионам людей, удалось благодаря классическим методам дознания, какими бы усовершенствованными они ни были. Если бы даже мы узнали впоследствии, что никакого заговора не было (что маловероятно), или же если бы он был представлен как обман (а это уже более вероятно) — важно то, что он совершенно *правдоподобен*, т.е. подобное можно допустить. А это позволяет нам задать некоторые решающие вопросы, которых мы пока не коснулись.

Какая судьба уготована двадцати подозреваемым, которые были арестованы? Как *следовало бы* с ними обходиться? Возможно, они обладают информацией, касающейся других готовящихся терактов? По всей очевидности, такое можно предположить. Так, может быть, мы оказались в ситуации «бомбы замедленного действия», которая, однако, как мы говорили, зачастую более надумана, чем правдоподобна. Смогут ли дознаватели из полиции или спецслужб Великобритании, а также, возможно, их американские коллеги, сопротивляться огромному давлению, которое будет оказывать на них факт раскрытия этих планов, и сумеют ли они при этом *пристойно* обращаться с арестованными? Надо ли стараться *любой ценой* получить эту информацию, если подозреваемые упорно отказываются говорить? Это предложение вовсе не невероятно, и его следует рассмотреть. Чего стоит принцип пристойности по отношению к людям, у которых пренебрежение к человеческой жизни доходит до того, что они приносят в жертву жизни многих невинных мужчин, женщин, детей, приносят в жертву себя во имя «благородного» дела? Это не солдаты, повинующиеся законам войны. Не подчиняется ли принцип пристойности, как и принцип терпимости, правилу взаимности²⁴? Это, помимо прочего, один из аргументов, выдвигаемых американскими юристами, на свой лад толкующими Женевские конвенции. Событие застаёт врасплох, вопросы множатся по мере того как колеблется наша уверенность. Я не говорю, что она разрушается, но встряхивается и теряет свое подкрепление. И нас снова приглашают к размышлению.

Ограничивающие условия срочности и императивы персональной ответственности

В подобной ситуации — прибегать к пытке, физической, грубой, жестокой? Без сомнения, нет. Но что говорить о некоторых действиях, которые в конвенциях называются «оскорбительными и унижающими» и запрещаются? Которые из них могут быть приемлемы в подобной си-

²⁴ «Истинный сторонник терпимости, — пишет Жан-Жак Руссо, — не терпит преступления, не терпит никакой догмы, которая делает людей злыми» (*Lettres écrites sur la montagne* [1964. P. 701]).

туации срочности? Мы это знаем? И где та красная линия, за которую нельзя заходить? Какие принципы лежат в ее основе? Кто за это отвечает? Полиция и политики? Граждане, участвующие в опросах или высказывающие свое мнение на референдуме? Такая гипотеза маловероятна, более того, нежелательна, но, несмотря ни на что, теоретически она не совсем абсурдна, по крайней мере, в отношении случаев, которые могли бы представиться в будущем. Их избранные представители? На самом деле, одним из решений представляется следующее: чтобы эти сюжеты, по примеру тех, что относятся к биоэтике, сделались предметом честной и прозрачной публичной дискуссии перед народным представительством, с тем чтобы правила допроса предполагаемых террористов в ситуации, требующей немедленного принятия решения, были определены заранее и уж точно *не зависели* бы от степени срочности ситуации.

Но это решение никак не влияет на исход дела, потому что ничто не мешает (и мы это видим сегодня в США) тому, чтобы парламент по своему усмотрению изменил закон. Однако какими бы ни были обстоятельства срочности, демократии не могут публично узаконить, как просто это ни звучит, практику пыток или аналогичных действий. Ни одно подобное действие не может стать объектом *государственной* политики, не ставя под сомнение принципы пристойности, которые должны уважать демократические государства. Мы об этом говорили, и это золотое правило снова следует напомнить. Зло никогда не должно быть узаконенным, т.е. в какой-то степени *оправданным*. Поэтому мы должны подвергнуть осуждению казуистику юристов министерства юстиции и Белого дома, которые попытались оправдать применение если не пыток, то аналогичных действий, и это с целью построить аргументацию, позволяющую возможным будущим обвиняемым избежать любого осуждения. Еще более неприемлемо и предосудительно стремление узаконить принудительные методы допроса. Мы также не можем согласиться с решением, предложенным Аланом Дершовицем, при котором судье предоставляется право раздавать «полномочия на пытки», даже если это делается при жестком соблюдении условий и только в исключительных случаях²⁵. Ни закон, ни судья, задача которого — проводить закон в жизнь, не могут и никогда не должны узаконивать действия, противоречащие по своей природе фундаментальным принципам не только нашей нормативной системы, но и всей нашей политической и этической системы. Как мы сказали, единственной государственной политикой, согла-

²⁵ Алан Дершовиц — защитник гражданских свобод и общеизвестный противник применения смертной казни. Принципиальный противник пыток, он выдвигает в качестве основного аргумента то, что, имея дело с гипотезой «бомбы замедленного действия», исключительный характер которой он признает, скорее следует подкрепить их применение юридическими гарантиями, чем продолжать позволять их тайное применение, что, по его мнению, является лицемерной и опасной практикой.

суммой с принципами демократии, является *полный запрет* пыток. Мы это повторяем, чтобы не возникло недопонимания в отношении смысла нашего доказательства.

Но — ибо, увы, имеется одно «но» — что делать, когда представляется ситуация, сходная с той, с которой мы столкнулись? Думаю, существует только один ответ, который другие, возможно, сочтут циничным, но который позволяет, и в этом его преимущество, сохранить наши политические, этические и юридические принципы. Он подразумевает следующее: действовать в зависимости от каждого конкретного случая и отдавать все свои силы соблюдению принципа персональной ответственности. Тот, кто в подобных условиях, возьмет на себя право нарушить эти принципы в целях соблюдения безопасности и в «ситуации необходимости», *искренне* понимая, что это необходимое зло, «наименьшее зло», тот должен быть готов нести полную личную ответственность за нравственные и уголовно-правовые последствия.

Только высокосоциальному и глубокосовестливому человеку можно доверить ответственность решать, в каких исключительных условиях следует применять если не пытки, то аналогичные методы, — хотя на самом деле это практически одно и то же. Это решение предлагает в своей статье «Political action: The problem of dirty hands» Майкл Уолцер, в ситуации, когда гипотеза «бомбы замедленного действия» окажется верной. «Важно, — пишет он, — подчеркнуть, что мы не хотим, чтобы подобное решение принимал *кто угодно*; мы хотим, чтобы это был, например, именно этот человек, потому что он знает, что совершает зло» [2004. P. 64], и что он готов нести груз моральной ответственности за принятое решение.

Нарушение этих правил не означает пренебрежение ими или их игнорирование, а также возможную попытку их обойти или изменить. Это значит признание того, что они существуют и что они представлены во всей своей нормативной силе, даже если в некоторых случаях человек может считать себя обязанным не соблюдать их. Но тогда он должен быть готовым лично отвечать за все последствия своих поступков, испытывать угрызения совести и, более того, принимать возможность, даже *реальность* уголовного преследования. Только так принцип добра и власть закона могут сохраняться во всей своей полноте.

Сохранять запрет

Это решение проблемы, возникшей вследствие принятия решения применить пытку в исключительных ситуациях, проблемы «грязных рук», является частью не утилитаристской логики, которая прежде всего грешит тем, что оправдывает зло, но вписывается в макиавеллиевскую перспективу, при которой в определенных обстоятельствах необходимость зла признается и полностью принимается.

Основные заслуги этого подхода достаточно многочисленны.

Во-первых, он не требует ниспровержения идеалов, признавая ту трагическую реальность, что совесть человека иногда может оказаться перед необходимостью выбора между двух зол и что на ней *одной*, по отношению к себе и другим, без каких бы то ни было лживых этических и тем более юридических оправданий, лежит ответственность за то, каким образом разрешается эта дилемма. И такую ответственность должен быть готов нести пристойный человек, «добрый государь» Макиавелли или «меланхоличный солдат» Августина, поставленный перед необходимостью творить зло. При этом должно поддерживаться, и это второй фундаментальный аспект, четкое различие между законным и незаконным, дозволенным и недозволенным, нормой и ее нарушением. Это требование на самом деле решающее, потому что закон не должен открывать дверь для собственного нарушения, иначе сбиваются ориентиры, и исключительный случай неизбежно генерализируется (достаточно схожая проблема возникает, когда раздаются призывы некоторых узаконить активную эвтаназию или просить у судьи право на «самоубийство при врачебном содействии» в случае некоторых неизлечимых заболеваний, которые причиняют нестерпимую боль). Наконец, и это также очень важно, ответственность за собственное злодеяние должна ощущаться с полным пониманием того, что оно является злом, это понимание осознается с честью и бесстрашием, *virtù*, как сказал бы Макиавелли, что подразумевает, что творящий зло не перекладывает вину с себя на другого и не оправдывает себя. Так называемые ограничивающие условия необходимости — не более чем рациональный расчет преимущества наибольшего количества, они не делают из злодеяния блага. Здесь речь идет о «выборе зла», которое осознается и представляется таковым тому, кто его совершает и кто берет его *на себя*; этот выбор несколько не оправдывается тем, что преследуемая цель является благом, даже если бы это было единственным «разумным» способом согласовать надлежащее действие с обстоятельствами, «способ действия» (*il modo di procedere*) с «характером эпохи» (*qualità dei tempi*), если воспользоваться выражениями флорентийского секретаря, которые являют самую суть его мысли.

Обусловленное каждым конкретным случаем, зависящее от позиции, которая должна оставаться сугубо личной и последствия которой должны честно осознаваться как злодеяние, решение применить пытки или оскорбительные и унижительные действия в исключительной ситуации — при этом должно соблюдаться ограничительное соглашение — никак не отразится в данном случае на самой системе, которая осуждает подобные действия и *должна и дальше осуждать*, какими бы ни были ситуации. Никакое исключение не может и не должно позволить узаконить практику пытки. «Может ли, — вопрошает Генри Шу, — возможность того, что применение пыток оправданно в некоторых редких ситуациях, послужить толчком для вероятного снятия законных запретов?» На что он сам отвечает: «Нет, совсем нет». И добавляет: «Акт

пытки должен оставаться вне закона, так, чтобы кто-то, кто искренне полагает, что подобный акт является единственным наименьшим злом, которое остается в его распоряжении, был поставлен перед необходимостью оправдать свой поступок и защищаться перед законом [...]. Для того, кто думает, что акт пытки может быть оправдан, не должно быть другой альтернативы, кроме как убедительно доказать в публичном суде, что были собраны воедино все условия, чтобы совершение акта было морально (*sic*) приемлемо» [Шу, 2004. Р. 58].

Это, как кажется, единственное благоразумное решение для подбающего ответа на вопросы, возникающие в исключительных ситуациях, и ответить надо так, чтобы не посягнуть на принципы пристойности, которые настолько неотделимы от демократии, что она не может их нарушить, не подвергнув опасности свое собственное существование.

Я не говорю, что это решение не вызывает никаких специфических проблем. Кто должен нести моральный груз и кому отвечать за возможные уголовные последствия этого решения? Дознаватель, который исполнял приказ? Мы знаем, что аргумент подчинения может служить солидным алиби в самых ужасных преступлениях. Тот, кто отдал приказ? Но куда может пойти ответственность? Офицер спецслужбы, его начальство, министр обороны, сам глава государства? И как привлечь к ответственности главных политических виновников? Или еще: удастся ли найти настолько «честных» людей, которые смогли бы принять подобные решения и совершить подобные действия, зная, что они должны заранее согласиться на осуждение не только совестью, но и гражданским и военным судами? Как видим, не существует одного ответа на все вопросы, которые ставит решение применять пытки в исключительной ситуации. Но есть существенная разница между ответом, который в принципе неприемлем, и тем, выполнение которого трудно представить, настолько он маловероятен, чтобы совокупность условий, подразумеваемых им и являющихся очень строгими, были подкреплены фактами. Таков случай, который наряду с другими я описываю ниже.

«Благородный пытатель» перед лицом необходимости

Было бы нечестно думать, что возможно одним махом решить колоссальные проблемы, связанные с пытками и аналогичными действиями, например, основываясь на безусловном императиве, который исключал бы заранее, что когда-нибудь может возникнуть ситуация, при которой единственным вероятным решением было бы прибегнуть к ним. Любой, кто занимает такую позицию, явно не обладает парадоксальными нравственными качествами, наличие которых подразумевается у ответственного человека, — «благородный пытатель», какое странное выражение! — способного нести в душе и на совести груз преступления против закона, которое было совершено в силу исключительных обстоятельств, и взять на себя ответственность за все последствия.

Здесь мы обнаруживаем классическую полемику о тираноубийстве, дилемму *killling no murder*, этот «вынужденный, но преступный жест неизбежного убийства, который, однако, подразумевает согласие убийцы и подпитывает его вину», о чем говорит Пьер-Эмманюэль Доза в своей замечательной книге об Иуде²⁶, открывающей перспективы, анализ которых мы не можем осуществить здесь.

Мы избежим опасности впасть в обобщение частного случая, описанного выше, только если его исключительный характер будет сохранен во всех его ограничительных требованиях — это первое решающее условие, — только если *неминуемый и актуальный* характер угрозы представится на основании не признаков или банальных подозрений, но доказательств, с помощью которых удастся показать, что в данном случае имеет место действительное состояние чрезвычайной необходимости. Однако нет аргумента, и об этом свидетельствует любая юриспруденция, будь то американская или французская, внять которому был бы менее расположен судья, чем аргумент от «состояния чрезвычайной необходимости», из-за которого совершающий преступление или правонарушение смог бы избежать наказания. Это исключение из правила является предметом весьма ограничительной интерпретации судей²⁷, гласящей, что тот, кто взял бы на себя решение нарушить норму и применить пытки, основываясь на внутреннем убеждении, что именно это является в данном случае «наименьшим злом», и если бы не было другого выхода, чтобы предотвратить опасность, должен был бы подумать, что *a priori* у него нет никаких шансов избежать длительного тюремного заключения. Другими словами, он должен будет принять не только возможность, но и *реальность* своего осуждения, даже если, фактически, оно не будет объявлено²⁸. И в этом второе обязательное условие.

²⁶ Доза [2006. P. 126]. См. также: Оливье Лютар. *От Английских к Французской революции* [1973].

²⁷ Более чем исключительный характер этого способа защиты достигается благодаря тому факту, что в конкретном случае доказательство необходимости пытки почти невозможно предоставить. Исходя из того, что юристы именуют *probation diabolica*, нужно доказать, что этот акт позволил избежать вреда, который, предположительно, *удалось предотвратить*. Тогда как классическая причинность в законе о гражданской ответственности требует доказать, что вред не был бы нанесен, если бы акт не был совершен, здесь речь идет о том (а это еще более дьявольское доказательство), чтобы доказать, что вред был бы нанесен, если бы акт не был совершен. (Я глубоко признателен Мюриэлю Фабра Магнана, профессору права в университете Paris-I, который предоставил мне эти объяснения.)

²⁸ Алан Дершовиц [2004. P. 263] считает, что это решение не «справедливо» (*fair*) и что лучше было бы в подобных исключительных обстоятельствах, если бы дознаватель положился на решение судьи, который был бы обязан нести ответственность за выбор. Противоречие между двумя этими подходами не такое большое, как может показаться, потому что в конце концов, вопрос не столько в том, чтобы понять, нужно или нет «пачкать руки» и применять пытки в некоторых условиях крайней угрозы — оба подхода отрицают «лицемерное» решение, состоящее в том, чтобы отвернуться и позволить властям действовать тайно, сколько в том, чтобы понять,

Не надо ждать от законодателя или судьи, что они предоставят право преступать нормы и нарушать принципы, позволяющие проводить границу между добром и злом. Ибо малейшее зло, даже если оно работает на самое большое благо, всегда остается злом. Первый недостаток любого утилитарного подхода – стирание этого главного различия, которое проходит через всю мысль Макиавелли и придает ему трагическое величие. Наконец, оправдание пытки в состоянии крайней необходимости относится к этике ответственности и чести, в несовершенном мире, где зла не всегда можно избежать. И эта этика может быть лишь глубоко индивидуальной.

Сколько раз необходимость зла служила невинным и лживым алиби для страшных преступлений государства? Как сегодня, так и вчера. Вот против чего необходимо прежде всего защищаться и бороться. В этой борьбе, в которой никогда нет победителя, которая всегда возобновляется заново, право, при условии если не посягать на его фундаментальные принципы, является нашим надежнейшим оружием. В конечном счете само общество поддерживает или подрывает нашу «уверенность в мире»²⁹; по крайней мере, это единственная область, где мы сможем действовать сообща, чтобы сдержать зло, одним из худших человеческих проявлений которого является пытка.

Перевод с французского Людмилы Фирсовой

Литература

- Alleg Henri, 1958. *La Question*. Paris: Éditions de Minuit.
- Améry Jean, 1995. *Par-delà le crime et le châtement. Essai pour surmonter l'insurmontable*. trad. Françoise Wuilmart, Actes Sud, Arles.
- Bartosek Karel, 1996. *Les Aveux, des archives. Prague-Berlin-Prague, 1948–1968*. Le Seuil, Paris.
- dauzat Pierre-Emmanuel, 2006. *Judas. De l'Évangile à l'Holocauste*. Paris: Bayard.
- Dershowitz Alan, 2004. Torture reasoning // Sanford Levinson (sous la dir. de). *Torture, A Collection*. Oxford: Oxford University Press.

кто должен принимать решение на этот счет: тот, кто представляет закон, или исполнитель. И мы не видим, чтобы законная база пыток позволяла обвинить судью. Последний, согласно предположению Дершовица, не должен отвечать за уголовные последствия своих решений, чтобы не стать инструментом «криминализации» права.

²⁹ «В конечном счете, — пишет Жан Амери, — единственная вещь, отличающая меня от людей, среди которых протекают мои дни, это беспокойство, — оно колеблется, становясь то сильнее, то слабее. Но в любом случае это социальное, не метафизическое беспокойство. Что меня огорчает, так это не Бытие или Небытие, Бог или отсутствие Бога, но общество: потому что оно, единственно оно является причиной моего экзистенциального нарушения равновесия, которому я хочу противостоять своей прямолинейностью. Оно, единственно оно украло у меня уверенность в мире» [1995. P. 210].

- 2002. *Why Terrorism Works, Understanding the Threat, Responding the Challenge*. New Haven: Yale University Press.
- Dworkin Ronald, 1994. *L'Empire du droit*, trad. Elisabeth Soubrenie. Paris: PUF.
- Greenberg Karen J., dratel Joshua L (sous la dir. de), 2005. *The Torture Papers. The Road to Abu Ghraib*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Langbein John H., 1976. *Torture and the Law of Proof, Europe and England in the Ancient Regime*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Luban David, 2006. Liberalism, torture, and the ticking bomb // Greenberg Karen J., *The Torture Debate in America*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lutaud Olivier, 1973. *Des révolutions d'Angleterre à la Révolution française. Le tyrannicide et «Killing no murder»*. Martinus Nijhoff, La Haye.
- Mackey Chris, Miller Greg, 2004. *The Interrogators. Task Force and America's Secret War against Al Qaeda*. Back Bay Books.
- Margalit Avishai, 1999. *La Société décente*. Trad. François Billard, Climats, Castelnau-le-Lez.
- McCoy Alfred, 2006. *A Question of Torture, CIA Interrogation, From Cold War to the War on Terror*. Londres: Metropolitan Books.
- Posner Richard, 2002. The best offense // *The New Republic*. 2 septembre (www.law.uchicago.edu/news/posner-r-terrorsm.html).
- Recasens Olivia, Décugis Jean-Michel, Laebé Christophe, 2006. *Place Beauvau. La face cachée de la police*. Paris: Robert Laffont.
- Rousseau Jean-Jacques, 1964. *Lettres écrites sur la montagne I, Œuvres complètes*. Vol. III. Paris: Gallimard, La Pléiade.
- Shue Henry, [1978] 2004. Torture // Sanford Levinson (sous la dir. de). *Torture, A Collection. Op. cit.*
- Thomas Gordon, 1988. *A Journey into Madness, Medical Torture and the Mind Controllers*. Londres: Bantam Press, 1988; traduction française de Dominique Péju. *Enquête sur les manipulations mentales. Les méthodes de la CIA et des terroristes*. Paris: Albin Michel, 1989.
- Walzer Michael, [1973] 2004. Political action: The problem of dirty hands // Sanford Levinson (sous la dir. de). *Torture, A Collection. Op. cit.*
- Williams Bernard, [1973] 1990. A critique of utilitarianism // Smart J. J. C., Williams Bernard. *Utilitarianism: For and Against*. Cambridge: Cambridge University Press.